

Луначарский А. В.

12/15-20

Лит. газет. 1940 - 12 лет (1-37) - 87

Карикатура К. КУРЬШНИКОВА

ЛУНАЧАРСКИЙ

Марк АЛДАНОВ

чарский, — человек чрезвычайно гуманной и исключительной доброй, высоко интеллигентный, но он словно немножко стыдится таких свойств» (стр. 34). Самые же горячие комплименты автор, естественно, прибегает для «чарующей, ни с чем другим не сравнимой, подлинно-социалистически высокой личности Владимира Ильича», его «мель-фреско колоссальной фигуры, в моральном аспекте решительно не имеющей себе равных». Все в Ленине нравилось г. Луначарскому: «Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутиливую форму. Этот гром, как бы резався и играя, грохочет в небе голубом» (стр. 13). Полагаю, что на этом изображении Ленина, который так необыкновенно мил, в почти шутиливой форме, резався и играя, умел губить десятки и сотни людей, можно оставить политическую характеристику г. Луначарского. Да в ней собственно и надобности нет: ведь главная прелесть тепличного растения, как сказано, заключается в его драматическом творчестве.

В бытовом, революционном пьесе г. Луначарского «Кандлер и Слесари» одним из действующих лиц является граф Лео Дорнбах фон-Турау, «блестящий кавалерийский офицер», о котором автор кратко сообщает: «В его лице и движении есть какая-то гармония, превращающая ледяность чисто военной выправки». Граф Лео страстно влюблен в графиню Лару. Они встречаются в военные времена на балу в доме канцлера Нордландии. На этом великосветском балу высшее нордландское общество предается веселью, не думая о войне, о страданиях бедняков и о надвигающейся (в последней картина пьесы) коммунистической революции. Все гости очень немилосердны. Особенно немилосерден граф Леопольд фон-Готторп, человек, исполненный аристократических предрассудков. Он так прямо о себе и говорит: «Я должен чувствовать голубую кровь... Манеры... Малейшая вульгарность — очарование исчезло». На это другой гос гост канцлера, некий Келлен, ехидно инсинуирует: «Ну, графиня Митси, твоя очаровательная супруга, хотя и аристократка, даже не с голубой, а с индиговой кровью, держится как сверхокоптка». Граф Леопольд, однако, парирует намеки: «Ах, у тебя нет чувства», — говорит он Келлену. — Когда женщина, понимаешь, умеет носить платье, парижские туалеты, то она может позволить себе тоже перекинуть шлейф через плечо... Это жанр, который, в единственном экземпляре, столь необходимый большому свету столицы». И действительно, графиня Митси, за которой ухаживает «шикарный флигель-адъютант, гремющий саблей и шпорами», — очень шикарная женщина. «Боже мой, как мне хочется танцевать!» — восклицает она на том же балу у канцлера, — не надевшие танцы, но танго даже, а безумие любви перед глазами смерти. Вот! Число сидела смерть с пустыми глазами, а мне, обманутой, объяснить бы ей без слов, что такое упоение страсти... Радефи, сыграйте какой-нибудь сверхдемонический вальс. Радефи играет сверхдемонический вальс. Митси танцует «страстный и несколько разнузданный танец». Великосветские гости канцлера в полном восторге. Один из них даже хватается графиню Митси в объятия и целует ее с криком: «Как она великолепенна!» Сама графиня Митси тоже очень довольна: «Уверю вас, — кокетливо говорит она гостям, — я никогда не испытывала столько сладострастия в другие моменты, как в момент удачного танца». «О, это заметно, — отвечает граф Лео, — я бы сказал, что в вальс танце вы как-то изумительно приближаете к себе каждого, кто на вас смотрит». «До вакхической интимности», — вставляет один офицер. «До своеобразного обладания», — добавляет другой. «У вас есть один или два жеста, которые в этом отношении шедевр». Графиня Митси тотчас с полной готовностью показывает один или два жеста. Все высшее общество аплодирует. Но как раз в эту минуту входит хозяйка. «Извинюсь, господа», — говорит высшему обществу канцлер. Оказывается, нордландская армия отступила, «оставив на поле битвы 30 тысяч нордландских юношей».

Это сообщение канцлера злоедеи заканчивает сцену великосветского бала. Достаточно очевидно, как немилосердно вели себя в пору войны имущие классы Нордландии. Если на ком отдыхает душа, то разве на графе Лео Дорнбахе фон-Турау, на лице которого так гармонично отразилась ладность чисто военной выправки. Несмотря на свое аристократическое происхождение (по матери он из знаменитого рода князей Ванюли), граф Лео у г. Луначарского образ отнюдь не отрицательный. И автора, и нас привлекают в графе свойственные ему бурные страсти. Так, объясняясь в любви графине Ларе, он с мрачным хохотом говорит: «Ха-ха-ха! И вот помчатся в один из близких дней в карьер, в атаку, крикнуть

Вероятно, не во всем можно согласиться с Марком Алдановым — автором публикуемой ниже статьи, написанной в 1926 году, тем не менее она, полагаем, послужит лучшим пониманию культурной ситуации 20-х годов и деятельности А. В. Луначарского.

всей грудью: бог войны, в руки твои предаю дух мой! И вдруг — бац! Страшным ударом быть разбитым... Какую в вечность... А красивый труп подберут. И будут править трауром... И в скопленных женских сердцах останусь я жить молодым богом в таком сиянии, какого нельзя достигнуть при жизни ни в чьем сердце. Конечно, смерть это ужасно интересно, — соглашается графиня Лара. — Я никому не советую жить. Мне 19 лет, но я уже не могу ждать неизведанного. Все слишком прозрачно. Хочется другой земли и другого неба». Граф Лео опять адски хохочет: «Ха-ха-ха! Дай мне поцеловать тебя, чтобы я сказал себе, что и тебя я человек, и чтобы ты вспомнила мой поцелуй, когда я умру... (Обнимает и целует Лару). — О! какой поцелуй!» — стонет графиня Лара. — Так человек севильский обольститель». «Это вкус смерти делает мой поцелуй таким приятным», — раздается граф Лео. «Правильно, приятный поцелуй, как далекий остров», — подтверждает графиня Лара. «Будто!» — радостно восклицает граф, видимо, пораженный (как и читатель) этим сравнением приятного поцелуя с далеким островом.

Не буду продолжать цитаты. Картинка того, как клубя пылающей гранаты полнула в груди Игната, может считаться выясненной, и читатель, вероятно, согласится, что в стихах и прозе Игната Лебядкина, посвященных карьер-кратическому ребенку, совершенству девицы Тушиной, нет ничего тоньше и изысканней. А еще Достоевского бранили за «шаржировку»!

Пьесы г. Луначарского редко называются просто пьесами. Обычно они носят название «мистерий», «драматических сказок», «драматических элегий», «идей в масках» и т. д. Действие этих шикарных произведений происходит в местах, исполненных крайней поэзии, главным образом, в готических замках с самыми шикарными названиями. Так «Василиса Премудрая» разыгрывается в замке Меродах Раммона, «Медежда свадьба» — в замке Медититлас, «Три путника и оно» — в замке Шлосс-ам-Флусс. Когда действие происходит в готических замках, то оно перебарывается в «платановые сады», в «высокие скалы с глубокими провалами», на «высокую черную лодку, которой управляют два ассирийца», на «куржащуюся предугрошенную гору», на «лестницу о бесчисленных ступенях», в «Монастырь Святых Терний на острове Презосе», в «страну Аз-Вау, где всегда голубой, даже синий свет», в «черную бездну о равных краях» или просто «на иные пространства, в безбрежности». Одна идея в маске разыгрывается даже у «Божьего престола». И действующие лица разных пьес г. Луначарского тоже очень шикарные: барон Иеронимус фон-Элленгаузен, граф Эрх Ульм, принцесса Бланка, принцесса Эльза, безымянный «герцог с белокурой бородой», тоже безымянный «рыцарь хищного вида», король Дагобер-Криэль, король Хильмар XXI и т. д. Особенно много у г. Луначарского коронованных особ. В пьесе «Иван в Раю» появляется даже целый «хор царей»: цари жарятся в аду и при этом хором поют: «Прощенья, прощенья! А! а!». Впрочем, г. Луначарский нередко восходит и по выше земных монархов: у него на каждом шагу встречаются существа немые; ангелам он, можно сказать, и счет потешал. В одной его мистерии действуют «стальной ангел Габуррах» и «белый ангел Гудулах»; в другой — целый ряд разных ангелов, которые потом тоже поют хором. Выступают у г. Луначарского и Дионис, и апостол Петр, и даже сам Иегова.

Наружность своих героев г. Луначарский обычно описывает подробно и всегда очень выразительно. В драматической сказке «Василиса Премудрая» царевна Ялья-м «открывает глаза; поправляет волосы дивным жестом тонкой руки и спокойно укладывает в любимую свою позу... Под ту же музыкальную стройную красивую женщину в лунной одежде несет высоко над головою годовалого ребенка, идет ритмично, окруженная свитой, то приближаясь, то отступая...». В «Василисе Премудрой» эта стройная женщина в лунной одежде — бесспорно самая грациозная и шикарная дама. Но в драматической фантазии «Маги» ей никак не уступит дивная Манесса. Она «вся одета волнами волос, быть может (?) обнаженная. Кроме очертания лица и длинных глаз, збена волос, видно одно только белое плечо и мед-

ленно змеящаяся, полупрозрачная рука, которая кажется голубой». На губах у Манессы «странная улыбка, та, что у леонардовой Джоконды», а в восьмой картине поэмы, а сцена с Семпронием, который горько жалуется Манессе, что «давно ладоням жадным пира не давал касаться твоей атласной наготы», — дивная Манесса «касается пряжки блузы, одежда падает к ногам и оставляет ее гармоничное тело одетым лишь туникой. Он протягивает к ней руки — с колючей и сладострастной улыбкой»...

Нет, положительно Игнат Лебядкин не мог бы выразиться столь шикарно. Хорошо описывает г. Луначарский и мужчин, как земных, так и неземных. У Леонардо да Винчи, в драматической элгии «Юный Леонардо», «великолепный, сияющий лоб», «крупные волосы с чувственной роскошью обрамляют это божественное лицо с мягким овалом и сочным веселым ртом. Смех и речь Леонардо неудержимо звучны», а, целуясь с Ченчио, он «гибким жестом отдается его объятию». В мистерии, происходящей у Божьего престола, я с интересом ждал описания наружности Иеговы и не могу сказать, чтобы был разочарован. У Иеговы «золотые кудри и борода, голубые глаза полны блеска, высокий лоб, царственная осанка, величественные движения». Говорит Иегова «задумчиво» и в минуты волнения, «тербает дрожащими пальцами золотые волосы своей бороды». Уже из этого описания наружности читатель может сделать вывод, что столь молодцеватый Иегова у г. Луначарского образ скорее положительный. Надо даже заметить, что автор, несмотря на занимаемый им высокий пост, счел нужным по поводу своих мистерий заранее себя очистить от таковых подозрений и симпатий к неземным существам. «Я хотел бы, — пишет г. Луначарский, — предостеречь от возможного недоразумения. Фантазия моя («Маги») написана в терминах оккультизма и мистики, и, быть может, кому-нибудь из читателей покажется, что эта одежда в какой-нибудь мере отражает мое собственное верование. Этого, конечно, нет. Что касается основной идеи — идеи панпсихического монизма, — то я никогда не решился бы выдвинуть ее как теоретический тезис, как философию, которую я стал бы теоретически защищать. В жизни я считаю возможным опираться только на данные науки, строить только на прогнозах, покоящихся на ее неизменном фундаменте, действующем только сообразно ее данным и под импульсом непосредственной жизни страсти, дочери окружающей нас реальной обществуности. Другое дело поэзия. Она имеет право выдвигать любую гипотезу и одевать ее в самые поэтические краски».

Автор мистерий, впрочем, совершенно напрасно оправдывается и просит снисхождения. Его Иегова задумчиво высказывает на протяжении мистерии ряд ценных мыслей, вполне дозволенных и обращенных в сов. России. Г. Луначарский относится любовно и ко многим своим другим действующим лицам, «кодевым в самые поэтические краски» не по данным науки. Можно даже безошибочно сказать, что в некоторых своих действующих лицах он, как все великие художники, отчасти изображает самого себя. Разумеется, в самых шикарных, в тех, которые имеют бурный успех у женщин, делающих дивные, гибкие движения медленно змеящимися полупрозрачными руками и носящих на своих гармоничных атласных телах лунные одежды или одежды из збена чувственно роскошных волос. Так, например, я почти не сомневаюсь, что с собой г. Луначарский писал «Короля-художника». Король-художник, в заключение идеи в масках, восклицает слабым голосом: «О, Лоран! Как тяжело королю-художнику править страной грубых боотийцев». Чуткий читатель должен увидеть в этом восклицании результат личного опыта комиссара-финянина, несаждающего просвещение в нашей грубой стране. И уж наверное о себе самого (да оно и естественно) г. Луначарский писал Леонардо да Винчи. В конце этой пьесы герой говорит: «Может быть, в вечерняя душа: я так люблю тени и борьбу с ними света... Я вечерний Леонардо. Но я вижу ясно там, там... (указывает вперед) Леонардо утренного... Как в зеркале вижу... Оге, Нерди, оге! (посылает воздушный поцелуй)... Я не вполне уверен в том, что Леонардо да Винчи действительно посылал себе воздушные поцелуи. Но для г. Луначарского это, можно сказать, нормальное состояние: коммунистический Игнат Лебядкин с великолепным сияющим лбом и с вечерней душой каждой «идеи в маске» очень любовно и нежно себя целует.

Самый горячий воздушный поцелуй г. Луначарский посылал себе в предисловии к «Магам», из которого я приведу отрывок: он, наверное, доставит удовольствие читателям. «Драматическая фантазия «Маги» была напечатана при нескольких исключительных условиях, быть может, представляющих некоторый интерес с точки зрения теории творчества. Написана она зимою 1919 года во время моего

пребывания в Москве, переполненного самой горчей и самой утомительной работой.

Именно утомительность этой работы, ее напряженность и ее яркость в освещении великих и горьких переживаний нашей революции побуждали меня искать какого-нибудь интенсивного отдыха. Этот отдых я нашел в поэтическом творчестве.

Дав совершенную свободу своей фантазии, я сел за «Магов», даже неясно представляя себе хотя бы основные контуры этой пьесы. Я просто хотел забиться и уйти в царство чистых образов и чистых идей.

Вся пьеса была написана по ночам после полных всяких событий и трудов дней. И понадобилось только 11 ночей для того, чтобы вся она вылилась совершенно такой, какою теперь является читателю. Никаких дальнейших поправок в ней мне не представлялось нужным сделать.

Несмотря на то, что в течение этого времени я спал от 3 до 5 часов в каждые сутки, по окончании работы я почувствовал себя необыкновенно отдохнувшим, словно я побывал на каком-нибудь целебном курорте.

Одним из оснований моего решения издать эту книжечку была надежда, что, может быть, чтение ее доставит также кое-кому тень того сладкого и глубокого отдыха, который доставило мне ее сочинение.

Конечно, «Маги» связаны некоторыми тонкими нитями с переживаемыми нами событиями. Пьеса не является ни в какой мере ни отражением их, ни аллегорией. Искать чего-нибудь подобного, как делали некоторые из прослушавших ее, — просто нелепо. Но чуткий человек, быть может, поймет, почему эта гипотеза представляется особо утешительной и желанной во время грозных исторических событий и тяжелых, хотя вместе с тем торжественных и осиянных надежд личных переживаний».

По-моему, г. Луначарский совершенно напрасно скромничает: «быть может, представляющих некоторый интерес и с точки зрения теории творчества». Каков уж тут «быть может»? Не быть может, а наверное, и не для одних теоретиков искусства, а для всего человечества, и не просто идеи в масках, а именно «целестный курорт», «сладкий и глубокий отдых». Верно и то, что все творчество г. Луначарского связано тонкими нитями с «реальной обществуностью». Для того, чтобы можно было судить о тонкости этих нитей, я позволю себе вкратце коснуться содержания некоторых его творений — красота их формы достаточно ясна из сказанного выше.

В трагедии «Королевский брадобрей», написанной белыми стихами, выведены король Дагобер и его родная дочь, красавица принцесса Бланка. Король, естественно, желает изнасиловать свою дочь — чего же другого можно было бы ждать от короля! Но так как Дагоберу кроме того хочется «плотноты высшей власти в очи», то он требует, чтобы церковь благословила его намерение. Религия — опиум для народа, и церковь, в лице архиепископа, извещает согласие. Некоторые колебания возникают только у канцлера, который боится народного гнева в случае огласки дела. Канцлер советует королю «не coitus решившись, оный тайно и совершить». Дагобер однако ничуть не боится огласки и, создав всех магнатов, объявляет им о своем решении вступить в брак с дочерью. Черствые магнаты ничего против этого не имеют. Протестует один лишь мэр Этьен, честный выходец из народа. На протяжении двух страниц мэр Этьен в самых горьких и благородных вырах ругает магнатов за то, что они «девицу предали на поругание распутному, безумному отцу». Король приказывает отвести мэра Этьена на казнь. «Этьена уводит понурого и задумчивого». «Впечатление в общем тяжелое», — метко замечает от себя автор. Впрочем, черствые магнаты, тотчас после увода мэра Этьена, «шумно и радостно» восклицают: «Виват, виват королю!». Дагобер вызывает к себе дочь (которая, кстати сказать, любит хорошего человека, Евстафия) и заявляет ей, что намерен ее изнасиловать!

КОРОЛЬ
Так так-то дочка.
Я мог бы разломать тебя. Я мог бы
Взять плоть мою и бичевать тебя.
Как выкозную собаку! Только
Ведь свадьба наша будет вскоре: кожу,
Девичью кожу белую испортить
Пред свадьбой не хочу.
БЛАНКА (падет)
О! Ужас! ужас!

Злодей-король стоит на своем. Кроме того, он, как обычно поступают в таких случаях короли, грозит закарнить на медленном огне Евстафия, так чтобы Бланка могла «расширенными ноздрями нюхать обугленного мяса аромат»... При этой угрозе король хохочет не менее адски, чем граф Лео Дорнбах фон-Турау. Бланка немедленно сходит с ума; разумеется, она также хохочет — и даже хохочет «три приема».

«Наш оркестр»

Карикатура КУРЬШНИКОВА.
1) Михаил Голодный. 2) Михаил Светлов — поют и подпевают, как видно по рисунку, по одним ногам («Гренада»). 3) Незаурядный гитарист — Иосиф Уткин (автор «Гитары»). 4) Гармонист-любитель — Александр Жаров (автор «Гармони»). 5) «Кому девичьи губы, а мне заводские трубы». Всесоюзный трубач — Александр Безыменский. 6) Выступивший за последнее время с большим успехом гусли — Демьян Бедный. 7) Знаток тонкой музыки и увлекательный дирижер молодого оркестра — Анатолий Васильевич Луначарский.
«Комсомольская правда», № 13, 16 января 1927 г.

БЛАНКА.
Ты — Вельзевул (хохочет). А, ты же думал, глупый,
Что я тебя узнаю? — но назвала
Тебя я именем твоим. На, ешь
(разрывает платье на груди),
Ешь тело, грудь кусай, грызи, пей кровь!
(хохочет).
Нет, не добьешься до души вовеки.
Душа у мамы, нету здесь души...
(хохочет и падает на скамью).

Подлый Дагобер, однако, неумолим, и душа принцессы Бланки, наверное, и вправду отошла бы к ее покойной маме, — но на счастье королевский брадобрей, некий Аристид, по разным слухам, преимущественно философским, соображениям «быстрым движением бритвы перебрал королю горло. Голова короля отваливается, заст королю горло, размахивая кровавой бритвой», высказывает намерение отрезать королю также нос и уши и говорит, что сделал бы то же самое, если бы был брадобреем у Господа на небе. На этом тонком замечании тонкая трагедия, связанная тонкими нитями с реальной обществуностью, кончается.

Было бы странно, если б автору этой пьесы не вверили в сов. России дела воспитания юношества. Не нужно, однако, думать, что «Королевский брадобрей» написан по «агитказу» для обличения королей и магнатов. Короли и магнаты в нем обличаются, так сказать, попутно, в агитационных целях и не пишут длинных трагедий в стихах. Нет, главная прелесть драматических произведений г. Луначарского заключается именно в том, что они должны ставить перед избранными философские и эстетические проблемы предельного глубокомыслия: автор явно реформирует мировое искусство. Это с особенной силой сказывается в его чисто символических пьесах. Не буду излагать их подробно — и так прошу читателей простить эти выписки. Скажу только, что в мистерии «Иван в Раю», в основу которой, по словам г. Луначарского, положена гипотеза трагического пантеизма, честный идейный боец Иван, поднявшись к престолу Бога, ведет философский спор с Иеговой и убеждает его отречься от власти в пользу человечества. Иегова, после 42 страниц философских диалогов, дьявольских монологов, ангельских и других хоров, «раздражающего звука трубы, «кукования птиц Гамаяно» и т. д., соглашается с Иваном и сходит с престола. Надо отметить, что Ивану помог убедить Иегову «хор богборщев во главе с Канном и Прометеем». И действительно богборщевы говорили весьма убедительно. Вот как начинается богборщевская песня:

Адад-адад
У-у-у
Гррр-бх-тайдзах
Авау, авау, пхф бх.
Читатель не должен чрезмерно удивляться: г. Луначарский сторонник того взгляда, по которому чисто фонетическая изобразительность в искусстве идет параллельно с философской глубиной и с роскошью поэтических образов. В песне богборщев этот художественный прием особенно удался оранжерейному автору: авау, авау, пхф бх, — прямо живой Прометей! Методы чисто звукового изображения г. Луначарский применяет во многих своих произведениях. У него даже есть длинные диалоги в таком роде. Так, в «Василисе Премудрой» некий «дево-мальчик», «со страшно большими и грустными глазами» и ртом тоже грустным, но совсем маленьким, ведет в поводу страуса в сверкающей сбруе и поет:
Наннау-князя-наннау-у-у
Миньата-а-а
Эй-ай
Лью-лю
Тангого наталийи-канлия-а
Та-на-на-а-а
и т. д. — что-то Нги, другое действующее лицо — серебряной сетке с алой фаской на богатых кудрях, совершенно резонно отвечает:
Уу-у-у
Лаю-лаю
Амменнай, лаю, лаю...

Этот человек, живое воплощение бездарности, в России просматривает, разрешает, запрещает произведения Канты, Спинозы, Льва Толстого, отечески отмечает, что можно, чего нельзя. Пьесы г. Луначарского идут в государственных театрах и, чтобы не лишиться куска хлеба, старики, знаменитые артисты, создававшие некогда «власть тьмы», играют дево-мальчиков со страусами, разучивают и декламируют «гррр-авау-пхф-бх» и «эй-ай-лю-лю».

Но все-таки хорошо, что г. Луначарский столь «неудержимо звучен», что он так любит «уходить в царство чистых образов и чистых идей». Пусть он и дальше, как его «шикарный флигель-адъютант», бряцает саблей и шпорами — монистической саблей и панпсихическими шпорами. Я рад, что Гос. Издательство издает пьесы утонченного тепличного растения на плотной, роскошной, прочной бумаге. Кое-что, Бог даст, дойдет и до потомства, и, подобно графу Лео Дорнбахе фон-Турау, «культурнейший из большевиков» долго будет жить в сердцах людей ослепительно сияющим молодым богом.